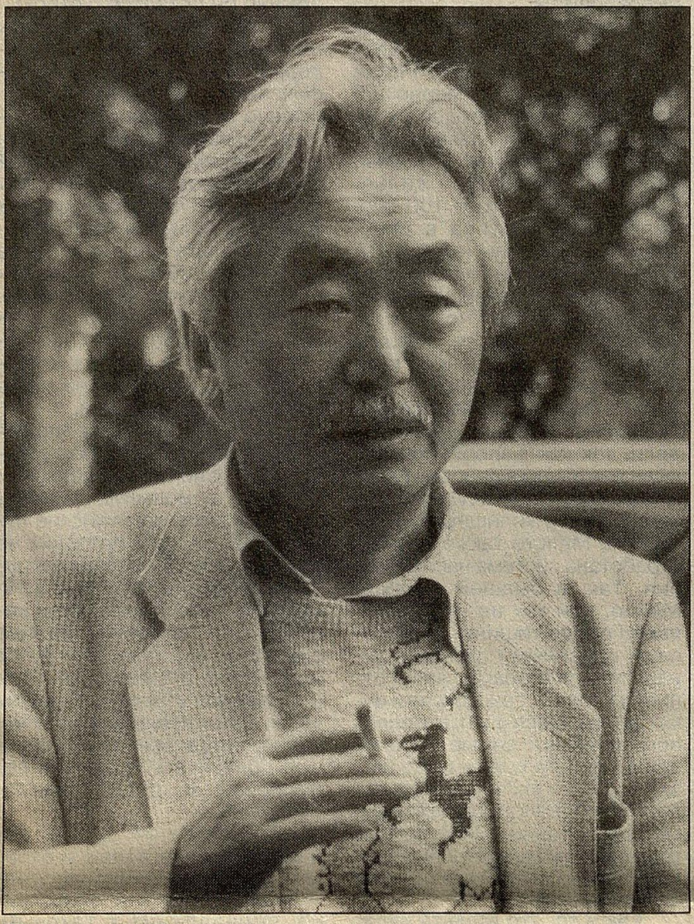

СВЕЧА ВЕЧНОСТИ

Имя Анатолия КИМА хорошо известно читателям. Его романы не содержат сюжетов, новомодных погонь и перестрелок, нарочито откровенных эротических сцен. Писатель работает в традициях классической русской литературы. Это, наверное, и привлекает к книгам Анатолия Андреевича многочисленных поклонников.

- Среди ваших регалий - звание лауреата Государственной премии Республики Корея. Для русского писателя это достаточно редкая награда...

- В 1995 году мне была присуждена премия Республики Корея по довольно непривычной для нас номинации, которая прозвучала бы примерно так: «Премия соотечественникам за рубежом, прославившим имя корейского человека по всему миру». В том году в области литературы выбор пал на меня. Конкурс был довольно большой, рассматривались писатели корейского происхождения, работавшие в разных странах - в Америке, Японии, Китае, России - и писавшие соответственно на языках этих стран. В Корее дорожат соотечественниками, рассеянными по всей земле, и гордятся ими, когда они прославятся в чем-нибудь хорошем. Решающим значением в выборе моего имени было то, что я смог представить жюри конкурса книги на 24 языках мира, переведенные с русского, именно с русского. То есть моя принадлежность к русской литературе имела не пос-леднее значение. Корейцы уважают Россию. Кроме этой корейской премии я имею еще и немецкую премию от Евангелической академии, итальянскую премию города Пенне, казахскую имени Юрия Казакова. Из русских премий самая дорогая мне лужковская «Премия Москвы за 1993 год».

- Ваш последний роман «Остров Ионы», опубликованный в журнале «Новый мир» и вышедший отдельной книгой в издательстве «Центрполиграф», местами сложен даже для искренних поклонников вашего творчества. На какого читателя рассчитывали вы, задумывая столь прихотливо выстроенную в художественном отношении вещь?

- Почему моя последняя книга такая «сложная»? В вопросе уже заложено то новое отношение к ценностям художественной литературы, что наметилось еще в прошлом веке и окончательно утвердилось к началу нового. Это отношение к книге как к товару, к предмету потребления. Что тут скажешь? Наступил век потребления со своими законами, люди этого захотели, и надо подчиняться нравственным законам, выработанным новым временем. Наверное, и художникам, и писателям нужно теперь создавать такие произведения, которые хорошо расходятся на рынке, а идеологию и эстетику своего творчества проверять рыночным спросом. На это я могу сказать только одно: мне лично ничему подобному не надо было подчиняться. Во-первых, мое литературное творчество состоялось еще в «до рыночный» период нашей культуры, когда у нас книга значила больше, чем книга, писатель значил больше, чем писатель, и у меня был уже свой большой читатель, и это был самый лучший в мире читатель, - и я его не потерял. Во-вторых, меня рыночный успех моих книг ничуть не заботит, потому что я всегда писал, пишу и буду писать вовсе не для рынка. Вы скажете - а тогда издатели не будут вас издавать. Отвечу на это: будут издавать. Потому что истинные издатели всегда понимают, как важно и необходимо в живом литературном процессе наличие некоего процента нового художественного слова - и не спекулятивного, фиктивного, и не того же «раскрученного» рыночного товара, рядящегося под модерн, постмодерн и т. д., а подлинного новаторства в содержании и форме. Так вот, такие писатели, как я, и создают тот процент ферментной литературы, который необходим для ее здоровой жизни. Развитие и движение вперед обеспечиваются в искусстве появлением в нем произведений подлинно новаторских, а таковые не имеют к рыночному товару никакого отношения. На рынке хорошо берут то, что уже давно известно и нравится публике, или то, что широко разрекламировано. Поэтому особого денежного успеха «сложные» издания не имеют, не становятся в разряд бестселлеров, однако и они нужны сегодня. А ведь многим из них предстоит уже завтра, может быть, стать бестселлерами. Таковое случается. Свои книги я вижу в этом ряду.

- Еще один вопрос о романе - его философия?

- Ваш третий вопрос о философии романа: подразумевается опять-таки, что очень сложная философия. Не сложная она вовсе (ведь уже многие успели прочитать роман, высказались о нем), а просто очень и очень свободная. В книге открыто говорится о такой вещи, как наше человеческое вечное и бессмертное (в романе это слово пишется как «безсмертное»), о том, что мы несем в себе такие вечные начала, с которыми для всех нас очевидная физическая смерть является лишь некой метафизической синкопной паузой. Чтобы рассказать через искусство художественной прозы о разных проявлениях в нашей будничной жизни *безсмертия*, и были приложены мною радостные - не скрою! - художнические усилия. И это, может быть, вы и называете «сложности» в романе «Остров Ионы». И я призываю своего читателя постараться преодолеть эти сложности и вкусить вместе со мной радость от созерцания и прослушивания Того Истинно Вечного, щедро посеянного в наших душах Создателем Мира, которое поднимает нас высоко над подлостями и грязью житейского моря и делает нас самих вечными и подлинно *безсмертными.*

- В последние годы у нас и на Западе отмечается возросшее внимание к литературе и культуре Востока. До этого дня был всплеск интереса к латиноамериканской литературе. Значит ли это, на ваш взгляд, что традиционная европейская культура выдыхается?

- Традиционная европейская культура, может быть, и «выдыхается», но в XX веке она выдохнула таких титанов, как Марсель Пруст, Джойс, Камю, Хемингуэй, Фолкнер, и волна классического авангарда перехлестнула не только в Америку, но и в Японию: Акутагава, Кобо Абе, Кендзабуро Оэ. В Латинской Америке эта же волна подняла творчество Борхеса, Кортасара, Габриэля Маркеса. И я вижу себя в ряду классического русского авангарда. Большая или мелкая я волна - не мне судить, но среди таких новолитературных волн прошлого века, как Бунин, Андрей Белый, Набоков, Булгаков, Андрей Платонов, Бабель, Хармс, Олеша, поздний Катаев, - я из рожденных последней четвертью века, что вкатились через рубеж второго тысячелетия в новое, третье. Об этом я могу говорить спокойно, не впадая в приступ мании величия и не краснея от ложной скромности, потому что есть у меня такие романы, как «Белка», «Отец-лес», «Онлирия», «Остров Ионы», повести «Луковое поле» и «Соловьиное эхо», «Лотос», несколько десятков новелл, которые переведены на все главные литературные языки мира.

- Какие процессы, тенденции, имена радуют или беспокоят вас в современной русской культуре (литературе)?

- Меня радует появление более молодого поколения литераторов, которым сейчас примерно под сорок - чуть за сорок. Это Антон Уткин, Олег Павлов, Михаил Попов, Андрей Волос, Владислав Отрошенко, критик Павел Басинский, художник и писатель Юрий Петкевич. На мой взгляд, это великолепное, сильное поколение, сумевшее преодолеть заразу постмодернизма с его недобротой и дегуманизмом и применившее дар художественной фантазии в служении истине и нравственности. А беспокоит меня все то же: перемена ориентации в русской читательской культуре в связи с катастрофической духовной и нравственной разрухой, наступившей у нас после внезапного обрушения циклопического моста в коммунизм, который был выстроен в нашей многонациональной стране. И живем мы теперь без всякого представления о том, куда должны устремиться, толчемся на месте, и ничего, кроме личного обогащения, вроде бы и не греет наше сердце.

- Известно, что вы пишете не только романы и повести, но и пьесы, стихи, киносценарии. В каком жанре вам сегодня лучше работается? Каковы ваши творческие планы на ближайшие месяцы и обозримые годы?

- Да, работал во многих видах и жанрах литературы, кроме, как говорил Чехов, писания доносов. Сейчас продолжаю свое дело. Но чувствую, что после девяти романов и стольких же повестей меня снова тянет к малому жанру, к новеллистике. Я работаю без заранее составленных планов, тем более «на ближайшие месяцы и обозримые годы». Работаю по желанию жить дальше. То есть каждая новая работа - это новое приглашение на жизнь, да пусть простит меня Набоков за невольный парафраз. Все зависит от того, как, куда и почему меня потянет жить дальше.

- Герои ваших книг - корейцы и русские. А в частной жизни как формируется круг вашего общения? И вообще - с кем дружат писатели?

- Среди героев моих книг не только русские и корейцы, но и американцы, немцы, японцы, евреи, французы, шведы, финны, филиппинцы, китайцы, якуты и так далее. В своих книгах я хотел отобразить образ человечества через образы его представителей. Задачу перед собой я поставил непомерно великую, но только так мне было бы интересно прожить эту свою единственную личную жизнь. В ней у меня с юности было немало близких, добрых друзей. Было потому, что, хотя многие из них и сохранились (некоторые уже ушли), круг постоянного, неслучайного, неделового общения у меня существенно сократился. Причиной, может быть, те самые сложности, о которых мы говорили выше и которые выразились в сложности моих последних книг. А может быть, каждый писатель в какой-то период своей жизни-судьбы вдруг обнаруживает себя весьма одиноким человеком на этой земле.

Беседу вела
Зоя ТАРАСОВА

Версия 13-2002. – 16 нояб. – с.6